

Зивар Махмудовна Гусейнова

zivar-g@mail.ru

доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории русской музыки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Prof. Zivar M. Guseynova, D.A.

zivar-g@mail.ru

Head of Chair of the Russian Music History Department of the Rimsky-Korsakov Saint-Petersburg State Conservatory

События 1917 года в переписке семьи Римских-Корсаковых

Аннотация

В статье на основе неопубликованных документов рассматриваются события 1917 года, которые нашли отражение в письмах членов семьи Н. А. Римского-Корсакова данного и последующих годов. В рукописных материалах, хранящихся в Кабинете рукописей Российского института истории искусств, затрагиваются как проблемы изучения творчества композитора, так и финансово-материальное состояние его наследников. В качестве основных в статье использованы документы второго сына композитора, известного музыковеда, философа А. Н. Римского-Корсакова. Его письма к официальным лицам и иностранным корреспондентам позволяют обозначить проблемы семьи, и через них — проблемы творческой интеллигенции, возникшие в связи с ситуацией, когда одна часть ее представителей оказалась за рубежом, а другая продолжала жить и работать в новых условиях. С одной стороны, труды композитора и исследования о нем и Новой русской школе в целом продолжали интенсивно издаваться, с другой же, они в соответствии с требованиями времени должны были быть представлены в новом идеологическом контексте. Личные и официальные письма семьи содержат сведения о тех трудностях, которые вставали перед наследниками композитора.

Ключевые слова

1917 год, Римские-Корсаковы, наследие, письма, рукописи

The Events of the Year 1917 in the Rimsky-Korsakov Family Correspondence

Abstract

In this article the events of the year 1917 are described on the basis of unpublished letters of the family of N. A. Rimsky-Korsakov of this and subsequent years. There are much handwritten materials in the Cabinet of manuscripts of the Russian Institute of the history of art; they contain information about the problems of the study of creativity of the composer and financial and material status of his heirs. The article mainly used documents of the second son of the composer, the well-known musicologist, philosopher A. N. Rimsky-Korsakov. His letters to officials and foreign correspondents contain important information about the family, and other Russian intelligentsia, which appeared in the situation of some of the representatives proved to be abroad, and the other continued to live and work in new conditions. On the one hand, the works of the composer and the studies on it and the New Russian school composers continued to intensively be publishing, on the other hand, they are in accordance with the requirements of the time had to be represented in the new ideology.

Keywords

The year 1917, family of Rimsky-Korsakov, heritage, letters, manuscripts

Формулируя подобную тему, исследователь неизбежно стоит перед выбором: или выделить чрезвычайно выразительные высказывания членов уважаемой в России семьи и на них построить изложение материала, или представить проблему событий 1917 года, определивших судьбы членов данной семьи. Римские-Корсаковы были не просто достойными, авторитетными гражданами России, главным делом своей жизни они считали (и выполняли его) — сбережение наследия Н. А. Римского-Корсакова, закрепление памяти о нем (посредством издания произведений и научных публикаций), сохранение мест, связанных с композитором, создание музеев. И то, и другое направление чрезвычайно результативно, но, на наш взгляд, гораздо важнее постараться определить суть проблем, как они обозначены корреспондентами, и параллельно — увидеть их глазами заново сформировавшийся мир, в котором наследникам композитора и их современникам предстояло жить.

Оговорим показательную ситуацию — писем относительно событий 1917 года в переписке семьи Римского-Корсакова почти нет. Это, на первый взгляд, трудно объяснить: огромный по масштабам (даже не включая писем самого Н. А. Римского-Корсакова эпистолярный архив семьи, в которой «культура письма» была очень высока, бережно хранившийся наследниками на протяжении десятилетий¹, обнаруживает серьезную утрату в виде даже внутрисемейных посланий 1917 года. Объяснение очевидно: письма были изъяты и уничтожены самими членами семьи, вероятно, в силу содержащихся в них высказываний и комментариев событий. Они могли касаться не только ситуации, складывавшейся в течение октября-ноября 1917 года, но и затрагивать всю цепь событий, начиная с февраля. А. В. Чаянов² писал в июле 1917 года: «Когда дней десять назад я сошел по ступеням Николаевского вокзала на Знаменскую площадь, на меня пахнуло жуткой напряженностью. Никогда раньше северная столица не ощущалась мною таким тягостным кошмаром, как в эти последние дни. <...> Казалось, что я посещаю руины старого Пушкинского Петрограда; Публичная библиотека, Летний сад, Эрмитаж, перспективы набережных и улиц — все эти обломки старой культуры оставлены, забыты, незамечаемы взбудораженным социальным морем, залившим улицы столицы. Санкт-Петербург Достоевского вылез из линии Васильевского острова, из переулков Выборгской стороны и залил, размыл в своих бурных порывах Пушкинский Петроград. Гроза надвигалась, гроза висела» [29, 2]. И почти те же выражения мы встречаем в сохранившихся письмах Римских-Корсаковых в течение 1917 года.

Приведем лишь несколько высказываний семьи, начав с письма Владимира Николаевича к матери, Надежде Николаевне от 12 мая 1917 года из Любенска: «Приходится мириться с тем, что вся жизнь перевернулась кверху ногами, и стараться существовать и в этом положении» [15, 4 об.].

Больше всего сведений о событиях 1917 года сохранилось в письмах Н. Н. Римской-Корсаковой; в посланиях к детям она откровенно, с подробными комментариями пишет о днях, предшествовавших октябрьским событиям. Свойственная Надежде Николаевне резкость высказываний³ проявляется, например, в письмах к Андрею Николаевичу 1917 года:

---

¹ Сейчас письма в основном сосредоточены в Кабинете рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург, далее — РИИИ), на фонды которого далее в статье делаются ссылки.

² Чаянов Александр Васильевич (1888–1939) — известный российский экономист и писатель. Автор работ по социальной антропологии, междисциплинарному крестьяноведению, а также сборников стихов, нескольких романтических повестей и пьес.

³ В связи с этим уместно вспомнить ту непримиримую позицию, которую заняла Н. Н. Римская-Корсакова при отстаивании необходимости издания «Летописи...» Н. А. Римского-Корсакова в ее подлинном виде (см.: [3]). Среди тех, кто настойчиво говорил тогда о необходимости исключить из текста «Летописи...» некоторые высказывания Николая Андреевича, был А. К. Глазунов. В ответ на его выступление по данному поводу в печати Надежда Николаевна в своем гневном письме к Глазунову

23 июня: «...продолжается с помощью большевиков и анархистов все та же немецкая провокация, шпионство, разложение армии и общая разруха, и конца этому не видно. Временное правительство занимается попустительством всяких преступлений, если они совершаются так называемыми анархистами или большевиками. При таком положении можно ли предвидеть что-нибудь хорошее в будущем? Сильно поговаривают об эвакуации правительственных учреждений Петрограда. И действительно, теперь надо ожидать со дня на день нашествия немцев со стороны Балтийского моря. А если они придут, тогда, пожалуй, от нас всех останутся одни косточки.

Из Любенска⁴ приходят не особенно приятные вести — идут нелады с крестьянами. Они говорят, что собственники должны все делать своими руками, поэтому косить у нас не хотят. Вообще они сами не знают, чего хотят, то говорят одно, то другое, должно быть, их кто-нибудь подучает <...>. Что делать! “Такое ноне время” — “Не время, а безвременье, боярин”»⁵ [19, 12 об.].

3 июля: «Вообще, что может быть хуже диктатуры пролетариата. Я не вспоминала Лядова и представляла себе, в какой ужас он пришел бы от настоящего положения вещей. И действительно, приходится сказать науке и искусству “прости”. Особенно будет страдать искусство от прикосновения грубых невежественных рук. Я смотрю в будущее мрачно, может быть от того, что я пессимистка, но пока факты говорят за меня» [19, 26].

11 июля: «По-моему, создавшееся положение России непоправимо, она гибнет, разваливается, разлагается. Народ русский доказал, что он не достоин свободы, а может быть только рабом, он себя опозорил навек. Я перестаю любить русский народ. На месте Керенского я бы застрелилась» [19, 34 об.].

Показательно одно из писем Андрея Николаевича, который летом 1917 года находился с семьей на даче под Выборгом. 30 августа он пишет матери: «Кошмарные события не дают ни о чем думать — трудно даже и письмо-то написать. Свой отъезд мы отложили до прояснений политического горизонта, т. к. сейчас ехать в Петербург с детьми было бы безумием. Мы все здоровы, но страшно волнуемся, без конца ждем известий и от вынужденного бездействия испытываем постоянную муку» [8, 16-16 об.].

Об основных темах, обсуждаемых в то время, свидетельствует и фрагмент письма Андрея Николаевича к Надежде Николаевне от 2 июля 1917 года, где он пишет о маленьком сыне Волике⁶: «...иной раз берет газету в руки и начинает “читать”: по большей части это чтение — набор звуков; среди них попадаются и “солдатские депутаты”, и “Германия”, и разные другие словечки» [8, 7 об.].

Сохранившиеся письма семьи Римских-Корсаковых 1917 года и последующих лет позволяют в определенной мере воссоздать характер жизни и работы российской интеллигенции, в первую очередь, в сфере музыки. Вполне естественно, что и в этой обстановке члены семьи продолжают работать. Показателен фрагмент письма Андрея Николаевича к Надежде Николаевне от 16 июля 1917 года: «Если журнал [Музыкальный Современник — З. Г.] прекратится, мы решили объявить подписку на издание: “Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. Сборник документов, материалов и статей”. Часть литературную должны представить (кроме нас с тобой): Лапшин⁷,

---

написала: «Я прошу Вас сжечь тот экземпляр “Летописи...”, который я так некстати Вам послала» (цит. по: [3, 244]).

⁴ Любенск — одна из двух усадеб в Псковской губернии, принадлежавших Н. А. Римскому-Корсакову. В настоящее время здесь находится Мемориальный музей композитора.

⁵ Заключительный пассаж заимствован из оперы «Псковитянка».

⁶ Римский-Корсаков Всеволод Андреевич (1914–1942) — сын А. Н. Римского-Корсакова и Ю. Л. Вейсберг, выпускник филологического факультета Ленинградского университета; литературный переводчик с французского, немецкого, грузинского языков. Погиб в период блокады Ленинграда.

⁷ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) — русский философ, критик, музыковед. В 1922 году Лапшин вместе с другими известными русскими философами был выслан из России. В последующие годы

Бельский⁸, Гнесин⁹, Энгель¹⁰, может быть Борис Попов¹¹, Анат[олий] Дроздов¹² и еще кое-кто» [8, 8 об.]. План развивается в письме от 12 августа 1917 года: «У нас вполне созрел и разрабатывается план книги, посвященный папе и имеющий <...> быть изданным к 10-летию [смерти Н. А. Римского-Корсакова — З. Г.]. Собираюсь съездить для переговоров по этому делу в Териоки¹³, где сейчас находятся Лапшин и Бельский» [8, 11 об.]. Этому замыслу не суждено было осуществиться, а название вошло в другую — главную работу Андрея Николаевича.

Важен для нас активно проявляющийся в переписке семьи Римских-Корсаковых обычай адресанта в переписке со сторонними лицами, тем более официальными, сохранять черновик или, позднее, машинописную копию, вследствие чего круг источников значительно расширяется¹⁴. Благодаря сохранившимся черновикам и машинописным копиям имеет место относительная полнота возникающего диалога, к тому же эмоционально окрашенного.

Для нас особенно информативна переписка Андрея Николаевича — второго сына композитора, философа и музыковеда, биографа своего отца. Письма Андрея Николаевича являются по сути летописью семьи Римских-Корсаковых и своего времени, а также отражением значительных событий в истории отечественного искусства. Однако важно, что работы Андрея Николаевича об отце изучались членами его семьи, ими же предлагались уточнения. Например, в одном из писем старшего сына Михаила Николаевича к Андрею Николаевичу от 6 ноября 1936 года по результатам прочтения четвертой части книги «Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество» Михаил Николаевич предлагает ряд замечаний, касающихся некоторых основных положений, формулировок, выводов. Любопытен здесь и эпизод со знаменитыми портретами Н. А. Римского-Корсакова, которые Михаил Николаевич предлагает включить в книгу: «Как ты думаешь, не следовало бы ли сказать здесь о двух папиных портретах: репинском и серовском? В “Летописи” о первом две строчки, а о серовском ничего. Последний портрет все знают, а репинский совершенно забыли в публике, как мне неоднократно приходилось убеждаться. А между тем сравнение этих двух портретов было бы интересно.

занимал должность профессора Русского юридического факультета в Праге. Автор ряда работ о Н. А. Римском-Корсакове.

⁸ Бельский Владимир Иванович (1866–1946) — русский поэт, автор либретто опер Н. А. Римского-Корсакова «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии», «Золотой петушок». В 1921 году В. И. Бельский с семьей выехал в Югославию, во время Второй мировой войны при бомбежке Белграда погиб его архив, в конце войны семья Бельского была вывезена в Германию, где он и скончался.

⁹ Гнесин Михаил Фабианович (1883–1957) — русский и советский композитор, педагог, музыкально-общественный деятель. Ученик Н. А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории, автор работ о нем.

¹⁰ Энгель Юлий Дмитриевич (1868–1927) — музыкальный критик и композитор. Автор ряда работ о Н. А. Римском-Корсакове.

¹¹ Попов Борис Михайлович (1883–1941) — политический и общественный деятель, музыковед (один из псевдонимов — Мизгирь). Постоянный сотрудник изданий: «Русская музыкальная газета», «Музыкальный современник», «Музыкальный труженик», «Музыка и жизнь», «Музыка» и других.

¹² Дроздов Анатолий Николаевич (1883–1950) — пианист, педагог, музыкальный критик и композитор. В 1892–1904 годах изучал право в Париже, затем в Петербурге, параллельно обучаясь в консерватории по классу фортепиано у Н. А. Дубасова. Имя Дроздова связано с событиями 1905 года, когда он — член большевистской фракции петербургского студенчества — возглавил студенческие волнения в консерватории.

¹³ Ныне Зеленогорск, пригород Санкт-Петербурга.

¹⁴ Черновик письма — особое явление в эпистолярной литературе. Я. Л. Левкович пишет в связи с черновиками писем А. С. Пушкина: «Следует отметить особую, принципиальную важность различия между черновым и беловым текстом в письмах. Черновик письма литературного, дружеского не является тем, чем оно должно быть — законченным образцом определенного эпистолярного жанра и стиля; черновик письма личного или делового часто не может быть приравнен к поступку, а является лишь размышлением на тему о поступке. Черновики писем, фиксирующих психологическое состояние поэта, можно сравнить с черновиками его лирических стихотворений — их отличают та же торопливость и лирическая взволнованность» [4, 123-124].

Первый написан в год смерти Маши¹⁵, а второй в период действительного расцвета творчества (1898 г.)» [18, 77]. Подобное комментирование знаменитых портретов членом семьи многое объясняет в облике композитора на обоих полотнах.

Обратимся к документам, которые позволяют определить проблемы, возникающие в связи с изучением семейного эпистолярия.

Первая проблема — «раскол», произошедший во многом потому, что часть отечественных музыкантов после 1917 года жила и работала за границей. Переписка семьи Римских-Корсаковых вносит немалый вклад в освещение проблемы, в которой важны, на наш взгляд, два аспекта: 1. *научно-творческие проблемы*; 2. *финансово-бытовые проблемы*. Обозначим оба аспекта, как они проявляются в письмах семьи.

Научно-творческие проблемы. Переписка с уехавшими не прекращалась, собственно, никогда: например, сохранились и были изданы письма членов семьи Римских-Корсаковых с А. К. Глазуновым¹⁶. В этих письмах тема наследия Н. А. Римского-Корсакова всегда оставалась ведущей. Гораздо труднее было в тех ситуациях, когда переписка оказывалась нерегулярной, и тогда, как свидетельствуют письма Андрея Николаевича, приходилось действовать окольными путями. Выделим ситуацию с В. И. Бельским.

С 1933 года началась активная переписка В. И. Бельского с Андреем Николаевичем и особенно с Михаилом Николаевичем, в которой затрагивались многие важные вопросы¹⁷, в том числе относительно судьбы документов, связанных с наследием Н. А. Римского-Корсакова. Письма В. И. Бельского к Николаю Андреевичу хранились в архиве композитора (см.: [11],[12],[13]), а ответные письма остались в Москве у Рафаила Ивановича Бельского, его брата, который долгие годы прятал их (как, собственно, скрывал он и отъезд В. И. Бельского за границу [27, 229]). В письме к Р. И. Бельскому от 12 декабря 1932 года (то есть до начала активной переписки Андрея Николаевича и Михаила Николаевича с В. И. Бельским) Андрей Николаевич пишет Р. И. Бельскому¹⁸: «Захотелось мучительно узнать, не имеете ли каких-нибудь сведений о Вл[адимире] Ив[ановиче]. Весною я посылаю ему письмо и свою книгу («М. П. Мусоргский. Письма и документы»). Ответа не последовало. Не знаю, дошло ли все это¹⁹. Огорчительнее всего, если не долетели до него мои вопросы, касающиеся писем Николая Андреевича²⁰. Сейчас весь этот эпизод несет для меня поистине ничем не заслуженные танталовы муки. Я сижу с головой в писании для Музгиза книги: “Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество” (название будет другое, менее банальное²¹). В этой книге важную часть составляют главы: “Как работал Римский-Корсаков” и “Неосуществленные намерения и планы”. И в той, и в другой главе речь неизбежно будет идти о Вл[адимире] Ив[ановиче], как о ближайшем сотруднике отца. Приходится пользоваться письмами Вл[адимира] Ив[ановича] к отцу и всякими набросками и планами с явным его участием. Вот тут я мучительно переживаю невозможность ознакомиться с письмами отца к Вл[адимиру] Ив[ановичу]. При этом я убежден, что конкурентом Вл[адимиру] Ив[ановичу] я отнюдь не являюсь. Ведь он, кроме писем, имеет бесценный клад личных воспоминаний, к тому же на опубликование писем я не претендую (разве что в отдельных цитатах, притом — небольших). Мне совершенно ясно, что будь Вл[адимир] Ив[анович] здесь, я без труда сумел бы убедить его в том, что «запрет» молчание об этих письмах, ~~исходящий от~~ подсказанное волей автора их, со

¹⁵ Римская-Корсакова Мария Николаевна (1888–1893) — младшая дочь Римских-Корсаковых.

¹⁶ См. [30, 15-101].

¹⁷ См.: [10, 125-184].

¹⁸ Поперек и поверх текста приписка Андрея Николаевича: «Черновик Р. И. Бельскому перередактированный».

¹⁹ 15 мая 1933 года В. И. Бельский пишет Андрею Николаевичу, что он хочет, получив работу о Мусоргском, «поблагодарить за полученную книгу». Эта книга, говорит Бельский, «стала у меня настольной и неизменно доставляет мне утешение каждый раз, как я в нее загляну» [14, 147].

²⁰ Здесь и далее выделенные курсивом фрагменты текста в оригинале подчеркнуты.

²¹ Название работы, как известно, сохранилось.

смертью его и протекшими десятилетиями, *начисто выветрилась потеряло смысл*, и что такие люди, как отец, со *всем* их наследием, становятся общественным достоянием, с преимущественным, конечно, правом на первое использование писем и пр., остающимся на стороне владельца и адресата их и ближайших наследников, в особенности, когда деятельность последних, как в моем случае, имеет своей задачей серьезное и любовное изучение личности и творчества художника» [9, 1-1 об.]²².

Судьба писем В. И. Бельского известна, для нас же важен процесс работы Андрея Николаевича над книгой. М. П. Рахманова отмечает: «Андрей Николаевич в данных обстоятельствах повел себя смело: он не только широко процитировал письма эмигранта Бельского к Николаю Андреевичу в своей книге об отце, в том числе в IV выпуске, вышедшем в 1937 году, но и прямо указал на то обстоятельство, что Бельский жив, процитировав (в пересказе) его “недавнее письмо к близкому лицу”, то есть письмо Бельского к Михаилу Николаевичу (<...> письмо от 31 марта 1936)» [10, 130-131]. Таким образом, многотрудные творческие контакты в целом постоянно поддерживались.

Финансово-бытовые проблемы. Разумеется, нет никакой необходимости рассказывать о житейских трудностях, с которыми семья Римских-Корсаковых столкнулась после событий 1917 года. Приведем фразу Андрея Николаевича из письма 1925 года: «...я не знаю, как бы мы жили, если бы у нас не было некоторых остатков “прежнего величия” в виде платьев, белья и пр.». Это цитата из письма Андрея Николаевича к известному музыканту Осипу Габриловичу, живущему в США²³. Данное письмо от 22 января 1925 года (в фонде Андрея Николаевича хранится его машинописный экземпляр) содержит значительный объем информации о наследниках Римского-Корсакова. В частности, Андрей Николаевич пишет:

«Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за Вашу отзывчивость в деле, столь близком нашей семье и столь далекой для Вас. Я и все мои братья и сестры глубоко тронуты этим Вашим добрым отношением. <...>

Что касается сведений, желательных для Ваших деловых людей, то мы в Советской России так привыкли ко всякого рода анкетам, что мне не представляет никакого труда удовлетворить законное любопытство вопрошающих.

Надежда Николаевна, моя мать, скончалась еще в 1919 г., 70 лет, от натуральной оспы во время оспенной эпидемии, в Ленинграде. Братья же и сестры мои все живы. Вот полные сведения о их семьях.

1. Михаил Николаевич, 52 [года], профессор Ленинградского Университета и Лесного Института по кафедре зоологии. При нем жена и двое детей — 10 и 12 л[ет], учащихся в школе. Жалованье — 150 руб[лей] в месяц по обеим службам.

2. Софья Николаевна Троицкая, 49 л[ет], служит в хоре Государственной Академической Капеллы (бывш[ей] Придворной); муж ее — безработный, бывший чиновник гос[ударственного] контроля; у них двое детей 18 и 20 лет (учатся). Жалованье — 30 руб[лей] в месяц.

3. Андрей Николаевич, 46 л[ет], библиотекарь (ученый специалист) Российской Публичной библиотеки (быв[шей] Императорской), заведующий ее нотным отделом; при нем жена и двое детей — 16 и 9 лет, старший в трудовой школе. Жалованье — 45 руб[лей] в месяц при ежедневной 6-часовой обязательной работе.

²² Здесь и далее при цитировании документов сохранены зачеркивания оригинала.

²³ Осип Соломонович Габрилович (1878–1936) — российско-американский пианист и дирижер. В 1894 году он окончил Петербургскую консерваторию по композиции и фортепиано, где учился у А. Г. Рубинштейна, А. К. Лядова, А. К. Глазунова и др. В 1910–1914 годах Габрилович был дирижером Оркестра Музыкального общества в Мюнхене, позднее переехал в США. В 1918 году он стал дирижером Бостонского симфонического оркестра, затем был назначен музыкальным директором Детройтского симфонического оркестра, оставаясь концертующим пианистом. Один из самых известных фактов в жизни Габриловича — то, что его женой была дочь Марка Твена (см.: [32]). Габрилович активно участвовал в пропаганде в США русской музыки, помогал русским эмигрантам, основал ряд обществ, так или иначе связанных с Россией.

4. Владимир Николаевич, 41 год, артист, скрипач оркестра Гос[ударственной] Ленинградской Филармонии; при нем жена и двое детей — 10 и 14 лет, оба учатся в школе. Жалованье — 49 руб[лей] в месяц.

5. Надежда Николаевна Штейнберг, 38 лет, жена профессора Гос[ударственной] Консерватории, при муже, имеет трех детей, от 10 до 14 л[ет], все учатся в школе. Жалованье мужа — около 160 р[ублей] в месяц (в зависимости от числа часов).

Малость отмеченных здесь окладов совершенно не должна Вас удивлять: Комиссариат Нар[одного] Просвещ[ения] — самое бедное в современной России ведомство. Я, например, принадлежу к высшим разрядам служащих (всего 17 разрядов, а мой — 16-й), и все же мое жалованье ниже жалованья дворника в нашем доме.

Кроме показанных здесь постоянных заработков вся семья с недавнего времени вновь стала получать тантиемы²⁴ за исполнение произведений отца в России (и кое-где за границей...).

<...> При таких (а раньше и еще много худших) обстоятельствах та единовременная поддержка, которая была оказана нашей семье при содействии С. В. Рахманинова несколькими американскими учреждениями, в буквальном смысле спасла 3 года тому назад нашу семью от гибели. Вы можете отсюда себе представить, с какую горячую благодарностью мы вспоминаем об этой помощи. Учреждения эти были: Нью-Йоркская Филармония (2340 долл[аров]), Оркестр в Филадельфии (1196 долл[аров]) и Метрополитен-Опера (650 долл[аров])» [20, 1-2]²⁵.

Письма к Габриловичу Андрей Николаевич писал и в дальнейшем, они содержали не только обсуждение финансовых дел: Андрей Николаевич посылал Габриловичу ноты и книги, обсуждал с ним творческие вопросы.

Вторая проблема, обнаруживаемая в связи с рассмотрением эпистолярия семьи, — сохранение и изучение наследия Н. А. Римского-Корсакова. Хорошо известна роль сыновей композитора в этой сфере, особенно Андрея Николаевича, создавшего пятитомный труд, посвященный отцу (см.: [21], [22], [23], [24], [25]), и подготовившего три издания «Летописи моей музыкальной жизни»²⁶. С одной стороны, ни в какое другое время «Летопись...» так часто не издавалась, с другой же — очевидны препоны, возникавшие на пути исследователя: великого композитора надо было кое-где подправить, слегка уточнить в комментариях его высказывания, а главное — ввести в рамки марксизма. Показательны письма Андрея Николаевича к директору Музгиза А. Г. Верхотурскому²⁷ накануне выхода в свет в 1932 году четвертого издания «Летописи...». Поскольку в архиве исследователя сохранились не беловики, а черновики писем²⁸, мы можем наблюдать выплеск эмоций, которые в беловиках затем облекались в более приличествующую случаю форму.

16 февраля 1932 года Андрей Николаевич пишет директору Музгиза:

«Многоуважаемый товарищ,

Из присланных мне чистых листов “Летописи моей музыкальной жизни” я впервые узнал, что, кроме моего введения, книге будет предпослано введение от издательства,

²⁴ «Тантиема (*франц.* tantième — определенная часть) — вознаграждение за труды, определяемое соразмерно результатам дела. Система тантием составляет противоположность системе гонорарной: при последней вознаграждение служащего является заранее определенным и установленным по договору, а при системе тантием оно определяется по финансовому успеху предприятия и составляет известный процент с торговой прибыли» [31, 610].

²⁵ Полностью письмо опубликовано в статье: [2].

²⁶ Третье издание — 1926 год, четвертое — 1932 год, пятое — 1935 год.

²⁷ Верхотурский (Гайсинский) Адольф Григорьевич (1870–1933) — журналист, активист социал-демократического движения, в 1924–1925 руководитель газеты «Вечерняя Москва», в период подготовки издания «Летописи моей музыкальной жизни» был директором Музгиза. Среди его собственных музыковедческих работ значится вступительная статья «К юбилею Мусоргского» в сборнике о композиторе [5, V-VI].

²⁸ Это, как отмечалось, особый тип документа: в нем нет автоцензуры, почти всегда присутствующей в письмах официальному лицу.

закрывающее анализ «Летописи» с марксистской точки зрения. По существу дела мне это более чем понятно. Желательность и ценность такого подхода слишком самоочевидна. <...> Мне кажется, что участие в книге тов. Громан-Соловцова²⁹, которого, по совести говоря, как автора, я совершенно не знаю, представляет все же вид *сотрудничества*, предполагающего какую-то *элементарную договоренность между им и мной*. Я не претендую ни в какой мере на какое-либо вмешательство в ход марксистской мысли тов. Громана, но мне кажется, что я как специалист в области фактического знания всей *Corsakoviana* мог бы быть попросту полезен ему, а, следовательно, и самому делу того анализа, за который он в данном случае берется. Мне кажется, мы выходим уже из той стадии, когда участие в издании не-марксиста³⁰ должно рассматриваться как неизбежное зло, которому следует в виде сильного противоядия противопоставлять *общие марксистские положения*» [7, 1].

В следующем письме от 23 февраля 1932 года Андрей Николаевич благодарит директора Музгиза за присланный текст статьи Громана, отмечая: «Из прилагаемых практических моих замечаний Вы увидите, что я несколько иначе, чем Вы, квалифицируете статью А. А. Громана-Соловцова, и что появление ее в том виде, как она набрана, было бы в моих глазах серьезным ущербом для настоящего издания» [7, 2].

Трудно сказать, как развивались события далее, но в вышедшем четвертом издании «Летописи...» имя А. А. Громан-Соловцова не упоминается, есть лишь предельно краткая статья «От издательства», где, в частности, отмечается: «Можно ли, однако, безоговорочно соглашаться со всеми оценками и мнениями Римского-Корсакова? Разумеется, нет. Их необходимо подвергнуть детальному и тщательному анализу с помощью марксистско-ленинской методологии. <...> Подобного рода научно-исследовательская работа Музгизом уже предпринята и будет опубликована по ее окончании» [26, III-IV]³¹.

Среди других тем, которые возникают в письмах семьи Римских-Корсаковых, кратко обозначим события, связанные с другими русскими композиторами. Михаил Николаевич по просьбе Андрея Николаевича разыскивает людей, знавших М. П. Мусоргского, и, в частности, в письме 17 февраля 1928 года сообщает: «И. П. Бородин³² я нашел. Он Мусоргского видел несколько раз у папы, но писем не имеет и вообще про него ничего особенного сказать не может. А вот кое-что помнит про Мусоргского художник Николай Александрович Бруни³³, старичок, который был у меня на днях. Он видел Мусоргского, как он играл <...>. У него есть прижизненный Мусоргский работы Матэ, сделанный в Париже³⁴. Не знаю, интересно ли это. Ты можешь ему написать (ст. Левашово³⁵, <...> дом Бруни; <...> он живет в своем маленьком домике близ станции)» [16, 56 об.].

---

²⁹ Громан-Соловцов Анатолий Александрович (1898–1965) — исследователь, автор ряда работ о композиторе, в том числе: «Жизнь и творчество Н. А. Римского-Корсакова» (1964) и «Симфонические произведения Римского-Корсакова» (1953) и другие.

³⁰ Над этим словом в письме приписан автокомментарий: «яд!».

³¹ В том же 1932 году в РАПМ'овском журнале «Пролетарский музыкант» была опубликована статья А. А. Громана-Соловцова по сходной тематике [1].

³² Иван Парфеньевич Бородин (1847–1930) — русский ботаник, популяризатор науки, один из основателей российского природоохранного движения. Родственником А. П. Бородина, по-видимому, не был.

³³ Николай Александрович Бруни (1856–1935) — русский художник. С 1890 года он начал преподавать в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, в 1894 году он был назначен инспектором классов Высшего художественного училища при Академии. В 1912 году Н. А. Бруни стал заведующим мозаичного отделения училища.

³⁴ Портрет (офорт) М. П. Мусоргского, 1881. Василий Васильевич Матэ (1856–1917) — Русский художник и педагог, выдающийся мастер репродукционной гравюры. Преподавал в Центральном училище технического рисования барона А. Л. Штиглица (1884–1909), на кафедре гравюры в Академии Художеств (профессор, 1894–1917), в Рисовальной школе при Обществе поощрения художеств (с 1911 года).

³⁵ Пригород Санкт-Петербурга.

Связаны были сыновья Римского-Корсакова и с Домом-музеем П. И. Чайковского в Клину, где они в разное время побывали, а также состояли в переписке с Николаем Тимофеевичем Жегиным, директором Дома-музея. Например, 10 августа 1934 года Михаил Николаевич пишет Андрею Николаевичу: «...я сегодня приехал в Клин вместе с Николаем Тимофеевичем и восхищаюсь уже всем, что видел. Действительно необыкновенно интересно, и вся обстановка крайне симпатична <...>. Ник[олай] Тим[офеевич] тебе пишет. Он может устроить тебя в комнате Модеста Ильича. <...> Тебе следует привести с собой сахару, мыла, хорошо также немного крупы. Здесь общее хозяйство. <...> Все очень удобно. Превосходная кухарка готовит. Вообще же нет мыла. Подушка есть, белье постельное привези» [17, 65]³⁶. Относительно длительное пребывание Андрея Николаевича в Клину требовало обсуждения не только научных, но и просто бытовых проблем.

В данной статье обозначены далеко не все важные аспекты, всплывающие в письмах семьи: это прошлое и настоящее (для них) состояние русской музыки, это люди и судьбы, значимые в жизни Н. А. Римского-Корсакова и вошедшие в судьбы его детей, это та высокая мера ответственности, которую они ощущали как носители великой фамилии. Поэтому говорить о 1917 годе — это, по сути, обозначить перелом в научно-творческих судьбах людей, для которых мир разделился на «до» и «после».

---

³⁶ В этот период Андрей Николаевич работал над материалами переписки Н. А. Римского-Корсакова и П. И. Чайковского, опубликованной позднее ([6]); в фонде А. Н. Римского-Корсакова сохранились документы, связанные с этим исследованием (например, см.: [28]).

Литература

1. Громан-Соловцов А. А. Классовые корни «кучкизма» в свете ленинских взглядов на общественное развитие России // Пролетарский музыкант. 1932. № 2 (30). С. 60-92.
2. Гусейнова З. М. Семья Римских-Корсаковых в 1925 году // Musicus. 2017. № 4. С. 35-38.
3. Из истории первого издания «Летописи моей музыкальной жизни» // Н. А. Римский-Корсаков. Исследования и материалы: сб. научн. статей / Ред.-сост. З. М. Гусейнова, Г. А. Некрасова. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2009. С. 236-245.
4. Левкович Я. Л. Из наблюдений над черновиками писем Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9 / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) [Ред. коллегия: М. П. Алексеев, ... Р. В. Иезуитова (отв. ред.) и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 123-143.
5. М. П. Мусоргский. К 50-летию со дня смерти. 1881–1931. Статьи и материалы / под ред. Юрия Келдыша, Вас. Яковлева. М.: Музгиз, 1932. VII, 319 с.
6. Переписка П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова // Советская музыка: третий сб. ст. / Отв. ред. Д. Б. Кабалевский. М.-Л.: Музгиз, 1945. С. 121-148.
7. Письма А. Н. Римского-Корсакова А. Г. Верхотурскому // РИИИ. Фонд 8. Разд. IV. Ед. хр. 15. 4 л.
8. Письма А. Н. Римского-Корсакова Н. Н. Римской-Корсаковой // РИИИ. Фонд 9. Разд. III. Ед. хр. 109. 17 л.
9. Письма А. Н. Римского-Корсакова Р. И. Бельскому // РИИИ. Фонд 8. Разд. IV. Ед. хр. 6. 2 л.
10. Письма В. И. Бельского к Андрею Николаевичу и Михаилу Николаевичу Римским-Корсаковым / Вступ. статья, публ. и комментарии М. П. Рахмановой // Искусство музыки: теория и история. 2016. № 15. С. 125-184.
11. Письма В. И. Бельского Н. А. Римскому-Корсакову // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 640. Ед. хр. 855. 36 л.
12. Письма В. И. Бельского Н. А. Римскому-Корсакову // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 640. Ед. хр. 856. 39 л.
13. Письма В. И. Бельского Н. А. Римскому-Корсакову // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Фонд 640. Ед. хр. 857. 23 л.
14. Письма В. И. и А. К. Бельских / Публ. и примечания О. Данскер // Музыкальная академия. 1994. № 2. С. 147-149.
15. Письма В. Н. Римского-Корсакова Н. Н. Римской-Корсаковой // РИИИ. Фонд 9. Разд. III. Ед. хр. 126. 4 л.
16. Письма М. Н. Римского-Корсакова А. Н. Римскому-Корсакову // РИИИ. Фонд 8. Разд. IV. Ед. хр. 42. 61 л.
17. Письма М. Н. Римского-Корсакова А. Н. Римскому-Корсакову // РИИИ. Фонд 8. Разд. IV. Ед. хр. 50. 89 л.
18. Письма М. Н. Римского-Корсакова А. Н. Римскому-Корсакову // РИИИ. Фонд 8. Разд. VII. Ед. хр. 471. 88 л.
19. Письма Н. Н. Римской-Корсаковой А. Н. Римскому-Корсакову // РИИИ. Фонд 8. Разд. XVIII. Ед. хр. 2032. [116] л.
20. Письмо А. Н. Римского-Корсакова О. С. Габриловичу // РИИИ. Фонд 8. Разд. XVIII. Ед. хр. 20. 3 л.
21. Римский-Корсаков А. Н. Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. [В 5-ти вып.] Вып. I. М.: Музгиз, 1933. 98 с.
22. Римский-Корсаков А. Н. Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. [В 5-ти вып.] Вып. II. М.: Музгиз, 1935. 127 с.

23. *Римский-Корсаков А. Н.* Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. [В 5-ти вып.] Вып. III. М.: Музгиз, 1936. 104 с.
24. *Римский-Корсаков А. Н.* Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. [В 5-ти вып.] Вып. IV. М.: Музгиз, 1937. 169 с.
25. *Римский-Корсаков А. Н.* Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество. [В 5-ти вып.] Вып. V. М.: Музгиз, 1946. 163 с.
26. *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. 4-е изд. / автор введ., прим., указателей и хронографа А. Н. Римский-Корсаков. М.: Музгиз, 1932. 368 с.
27. Римский-Корсаков Н. А. Переписка с В. В. Ястребцевым и В. И. Бельским / сост., автор вступ. ст., комм. и указ. Л. Г. Барсова. СПб.: СПбГК, 2004. 446 с.
28. Статья «Чайковский и Римский–Корсаков в их личных взаимоотношениях (1868–1893 гг.)» // РИИИ. Фонд 8. Разд. I б. Ед. хр. 21. 45 л.
29. *Чаянов А. В.* Петроградский кошмар. (Впечатления очевидца) // Власть народа. 1917. № 59 (6 июля). С. 1.
30. *Штейнберг М. О.* А. К. Глазунов. Воспоминания о нем и его письма // Глазунов. Исследования. Материалы. Публикации. Письма. В 2-х тт. Т. 2 / [Ред. коллегия: Ю. В. Келдыш, М. О. Янковский (отв. ред.); Гос. науч.-исслед. ин-т театра, музыки и кинематографии]. Л.: Музгиз, 1960. С. 15-101. (Музыкальное наследие).
31. Энциклопедический словарь. [В 86 тт.] Том XXXIIА [64]. Тай — Термиты / Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург); [под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского]. СПб.: Типография Акц. Общ. «Издательское Дело», 1901. 953 с.
32. *Clemens C.* My husband, Gabrilowitsch. New York: Harper & Brothers, 1938. 351 p.